

«ПТИЧКИ БОЖИИ» И ИХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ В «БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ» ДОСТОЕВСКОГО¹

В статье рассматриваются зоологические метафоры в тексте романа «Братья Карамазовы», соотносящиеся с вопросами свободы, рабского состояния, акта письма и творческого самовоспитания личности. Анализ тропов проводится в контексте мотивных параллелей и сюжетных эпизодов, представляющих варианты евангельской притчи о сеятеле и истории жизни брата Зосимы: вероятно, имя Маркел содержит в себе анаграмму фамилии Карамазовых. Анализируется, как презентация сюжетных эпизодов в произведении Достоевского строится на метафоризации названий птиц и процедуре их кормления, связываясь с возрастанием или уменьшением чувств любви и братства в персонажах, а также в динамике развития сюжета. Анализ этого тематического среза в романе «Братья Карамазовы» приводит к предположению о тесной связи зоологического аспекта с темой обретения героями Достоевского свободы на путях потери или обретения личного самосознания и утверждения своего онтологического статуса.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», зоологические метафоры, сюжет, персонаж, вопрос о свободе, братство.

К настоящему времени создано немало трудов, описывающих образы животных в произведениях Ф. М. Достоевского. Представление о романе «Братья Карамазовы» также не может считаться полным без изучения этого аспекта².

* Ангелика Молнар, габил. д-р филол. наук, доцент Института славистики Дебреценского университета — manja@t-online.hu. dr.

Angelika Molnar, Doctor habil., associate professor, Institute of Slavistics, University of Debrecen.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23010.

² Не претендуя на полноту, приведем несколько трудов в качестве примера: *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007. 640 с.; *Барум К. А.* «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского: неевклидова геометрия и вопрос о преодолении зла // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 134–144; *Касаткина Т. А.* (ред.) Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / ИМЛИ РАН. М., 2007. 835 с.; *Степанян К. А.* Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». М., 2018. 176 с.; *Horváth Géza S.* Основной миф в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Slavica Tergestina. Trieste, 1995. С. 143–166;

Алеша Карамазов в романе уподобляется птице, так как он не заботится о том, на какие, точнее «на чьи средства живет» (14, 29). В этом он отличается от своего кровного брата Ивана, а также отца Федора Павловича, который и называет своего младшего сына, «тихого мальчика» (14, 23), «канарейкой», говоря: «Ведь ты денег, что канарейка, тратишь, по два зернышка в недельку...» (14, 23). Финансовый вопрос определяет все поступки Федора Павловича, равно как и его старшего сына Дмитрия, обвинение против которого основывается на том, что он ограбил своего родителя ради овладения женщиной (Грушенькой), именуемой старшим Карамазовым «ангелом» или «цыпленочком» (14, 248). Столкновение отца и сына напоминает конфликт хищных птиц, дерущихся из-за добычи.

Любопытная деталь: внешность старца Зосимы также описана при помощи ласкательных форм прилагательных («седенькие волосики», «бородка была крошечная», губы — «тоненькие»), нос «востренький, точно у птички» (14, 37), сообщая его внешности мягкий, миролюбивый характер. В противоположность этому отец Ферапонт наделяется признаками хищной птицы; он высмеивает молодого монаха, задающего, по его мнению, глупые вопросы, подшучивает над ним, утверждая, что Святой Дух слетает в виде птицы — голубя, а Святодух в виде ласточки, щегла или синицы, и разговаривает с ним (14, 154). На первый взгляд, в этих определениях нет существенных различий, однако они имеют ключевое значение.

Скит Зосимы расположен в глухом пустынном месте, куда можно добраться, только идя через лес. Дом Зосимы прост и окружен цветами. Кроме того, его келья обставлена множеством икон Богородицы, ритуальных предметов, среди которых крест Mater dolorosa, множество итальянских гравюр, простонародных литографий мучеников и архиереев. Изображения Богородицы и святых и здесь свидетельствуют о предметах поклонения старца.

Имея в виду нарушения строгих монашеских предписаний относительно жизни в ските, Федор Карамазов подтрунивает над тем, что в числе посетителей старца Зосимы присутствуют и женщины. Он сравнивает скит Зосимы и Афонский монастырь, который запрещено посещать женщинам, так что там нет «никаких даже существ женского рода, курочек, индюшечек, телушечек...» (14, 35), — тем самым ставя женщин в один ряд с животными. Отец Ферапонт осуждает отношение старца к женщинам, а его поступки называет дерзкими. Нарратор мотивирует это психической болезнью женщины и ее потребностью в чуде:

Króó K. Dosztojevskij: A Karamazov testvérek (Alak, cselekmény, narráció, szövegköziség). Budapest, 1991. 175 o.; *Miller R. F.* The Brothers Karamazov: Worlds of the Novel. New York, 1992. 192 p. Арпад Ковач досконально разбирает центральное место «косых лучей заходящего солнца» и взаимосвязи зерна и братства, исходящей из «Брака в Кане» (см. прозрение Алешы) в метафорической упорядоченности романа. *Kovács Á.* Персональное повествование. Пушкин, Гоголь, Достоевский. Frankfurt a. M., 1994. 231 с.

Зосима исцеляет ее больную дочь. Чудо от посещения старца проявилось в том, что ее больная дочь смогла встать на ноги и ее прежняя грусть сменилась весельем: она ведет себя, словно птичка: см. «смеющееся личико Lise» (14, 50).

Монастырские правила определяют высокую ценность христианского смирения, инок «принимает страшную школу жизни добровольно», а затем — обретает полную свободу, «то есть свободу от самого себя» (14, 26). Алеша остро переживает контраст между скитской и мирской жизнью: «Здесь тишина, здесь святыня, а там — смущенье, там мрак, в котором сразу потеряешься и заблудишься...» (14, 150).

Поэма Ивана Федоровича «Великий инквизитор» перекликается с настроением Алеши. Согласно утверждению Инквизитора, он прошел все испытания, подобно Христу, чтобы стать свободным — «ел коренья в пустыне» (14, 233), однако столкнулся с проблемой слабости человечества, которое не может «справиться со своею свободой» (14, 233), и тогда он пришел к нехристианской форме осчастливливания человеческого рода, который он называет «гусями» (14, 233). Параллель выстраивается между коллизией Христос — Великий Инквизитор и отношениями Ивана со Смердяковым, который постоянно называет его «умным человеком» (14, 254). Отъезд кажется Ивану свободой, однако позже он осознает его как перспективу отцеубийства. Как «путешественник» (14, 254) он рассматривает пролетающую стаю гусей. Дикая птица выглядит символами свободы, однако поработанные люди в поэме Ивана также именуются гусями, проблематика свободы и рабства представлена Достоевским сквозь призму метафоризации птиц.

Перед смертью брата Зосимы, Маркела, происходит ряд событий, сходных с тем, что происходило с ап. Павлом, св. Августином, Франциском Ассизским. Весеннее возрождение природы и исповедь идут параллельно: появляются почки, и птички «гогочут, поют», как дети (14, 263). Маркируются веселость, отпущение грехов и всеобщее прощение. Это воспринимается окружающими лишь как предсмертное «помешательство» (14, 263). Подобное же происходит с Дмитрием, произносящим свой гимн солнцу, птицам и природе словно в бреду.

Маркел действительно умирает весело и радостно «на третьей неделе после Пасхи» (половина срока до Троицы) и отправляет своего брата в мир «играть», «жить за себя», как ребенок (14, 263). Его слова кажутся Зосиме «дивными и прекрасными» (14, 263), настоящее же их значение раскрывается ему позже. Он объясняет это своей детской отзывчивостью и универсальным восстановлением: «должно было все восстать и откликнуться» (14, 263). История Маркела становится зачином притчи, которая повторяется в судьбе других героев.

В «записках» Зосимы встречается упоминание о юноше-птицелове, который восторгается красотой мира. Он понимает язык птиц, Зосима же считает, что всякое существо знает «путь свой, не имея ума» (14, 267), в том числе и конь, обладающий своим ликом, принадлежа

к красивым и безгрешным существам, в отличие от человека, который «безжалостно» (14, 267) обращается в подобными существами, совершая ужасный грех.

Зосима обращается к своим слушателям как к «братьям», называя их также «другами» и «детьми» (14, 290), призывая их научиться просить прощения у птичек, так как «благолепие» облегчает жизнь и птицам, и детям, и всему живому (14, 290). Глобальную взаимосвязанность вещей и существ в мире Зосима уподобляет океану: «в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается» (14, 290). Молитва птицам придает смысл жизни, «как бы ни казался он людям бессмысленным» (14, 290). Зосима призывает своих учеников к веселости, восторгу жизни, свойственному птицам и детям. Он предостерегает их от «униния» (14, 290), связанного с идеей о «слабости» человека, о котором говорит Инквизитор. Сильный человек готов брать на себя чужие грехи, он способен отказываться от себя и обретать «спасение» (14, 290), истинную свободу, свойственную птицам.

Ситуация религиозного экстаза отца Ферапонта развивается параллельно боговдохновлению Алеши, но с обратным значением. Ферапонт исступленно обращается к заходящему солнцу: «Христос победил», падая на землю, будто «как бы кто подкосил его», рыдая, «как малое дитя» (14, 304). Алеша при созерцании небесного купола, полного звезд и слитого с землей и с иными мирами, обретает восторг и потребность истинной свободы, он также падает на землю, «как подкошенный» (14, 328). В его экзальтации, коренным образом отличающейся от ферапонтовской, воспроизводится состояние Маркела и Зосимы: на него словно снисходит Святой Дух, душа наполняется прощением и любовью. Подобного рода состояние переживает Дмитрий. Встречаясь с Алешей, Дмитрий также просит у него прощения, как Маркел у птиц, уподобляя Алешу «ангелу» (14, 97). Он обращается к брату с просьбой, которую обычно произносят перед смертью (14, 97), объединяя символику ангела, Духа и птицы. Дмитрий ратует за «златокудрого Феба» (14, 363), но ему необходимо истребить «одно смрадное насекомое, чтобы не ползало, другим жизни не портило» (14, 366). Эта метафора развертывается далее в связи с другими преступлениями, совершаемыми героями Достоевского.

Грушенька называет Алешу «голубчиком» (14, 313). Ракитин переводит речь Грушеньки на свой язык и называет Алешу «цыпленком», героиня же исправляет его слова, утверждая, что у него «совести нет» (14, 317). Очевидна грань между значениями метафор: «голубь» содержит намек не только на жертвенность, но и на духовность, цыпленок является детенышем курицы, что в представлениях Дмитрия выражает сущность «гада» Смердякова: «Он родился от курицы» (14, 428). О точности поэтических определений Грушеньки свидетельствует именование Мити «соколом» (14, 396) — имя благородной хищной птицы присваивается любимому человеку с древних времен и в фольклоре.

Сон Дмитрия повторяет смысл духовного озарения Маркела и Зосимы. Он видит плачущее дитя (14, 456). Несчастье метафоризируется как «голая степь» и определяется повторением черного цвета. Наименование «черная иссохшая мать» сопоставляется и по звучанию, и по значению с «карамазовым» как именем, производным от кары: «черная мазь» — «со всем безудержем карамазовским» (14, 457). Субъект сна многократно повторяет и вопрос: почему плачет дитя? При этом сам субъект назван «глупым» (14, 456). Это прилагательное также вписывается в ряд оппозиций «умных» и «безумных» людей. Символика сна героя реализует ситуацию прощения и побуждает субъекта брать на себя грехи мира, чтобы очистить его и себя от черного смрада. У субъекта сна «загорелось все сердце» и устремилось «к новому зовущему свету» (14, 457). Свет олицетворяется уже далеко не «грустной» Грушенькой, которая, обнимая Митю, воспроизводит фигуру Скорбящей Богоматери, здесь героиня реализует свою фамилию Светлова, зов которой может показать новый путь воскресения. Герой испытывает состояние христианской веселости и сам становится как «дитя» (14, 457), однако не грустное, а «светлое», и «восторженным» голосом объявляет, что подпишет протокол (приговор), проецируя свое озарение и восторг на окружающих людей. Его «возрождение» наблюдается и в презентации его лица: «словно радостью озаренным лицом» (14, 457), подтверждая, что он есть ценное и значительное онтологически существо. Такого же рода «умствование» заводит Ивана в тупик. Алеша признается ему, что действительно думал, что Иван желает смерти отца от рук Мити, когда тот сказал: «один гад съел другую гадину» (14, 120). Теперь Алеша просит прощения за свои мысли. В конце концов это определение переносится на Смердякова, у которого Иван старается выяснить, какова его доля вины. При этом они относятся друг к другу с гадливостью. Заметим, что описание квартиры Смердякова противоположно по смыслу келье Зосимы. Усиливают эффект сильно натопленная печь, изодранные обои и множество тараканов.

В этот ряд входит также эпизод с детьми, презентация которого также содержит орнитологические метафоры. Последнее пожелание умирающего Илюшечки — засыпать его могилу крошками хлеба, чтобы воробьи прилетали поклевать их и ему было «весело» (15, 162) в компании птиц. Он похоронен под большим камнем. Фамилия Илюшечки, Снегирев, этимологически происходит от «снегиря», известного своим печальным пением и способностью переносить зиму. Капитан Снегирев, потеряв сына, «пал на снег» (15, 193), однако его безумие далеко от экзальтации отца Ферапонта. Мальчики глубоко переживают смерть своего товарища. Смуров бросает «обломок кирпичика» (15, 193) в стаю воробьев, и бежит дальше за штабс-капитаном, продолжая плакать. Его озорной поступок имеет внутреннюю аллюзию, повторяя действия Илюши, который бросал камнем в Алешу. Мальчики и Алеша перед расставанием соединяются в братстве и любви к умершему

ребенку, что сопровождается названием мальчиков «голубчиками», «хорошими сизыми птичками» (15, 195).

В связи с многими персонажами «Братьев Карамазовых» повторяется мотив кормления птиц, связанный с сюжетной линией Маркела. Истинная свобода, по Достоевскому, достигается с помощью любви и смирения, потери своего греховного «я» и обретения себя в новом качестве. Слово Маркела оказывается зерном смысла, из которого вырастает идеология и целый ряд сюжетных линий романа Достоевского «Братья Карамазовы».

Библиографический список

- Барит К. А.* «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского: неевклидова геометрия и вопрос о преодолении зла // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 134–144.
- Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007. 640 с.
- Касаткина Т. А. (ред.)* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / ИМЛИ РАН. М., 2007. 835 с.
- Степанян К. А.* Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». М., 2018. 176 с.
- Horváth Géza S.* Основной миф в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Slavica Tergestina. Trieste, 1995. С. 143–166.
- Kovács Á.* Персональное повествование. Пушкин, Гоголь, Достоевский. Frankfurt a. M., 1994. 231 с.
- Króó K.* Dosztojevszkij: A Karamazov testvérek (Alak, cselekmény, narráció, szövegköziség). Budapest, 1991. 175 о.
- Miller R. F.* The Brothers Karamazov: Worlds of the Novel. New York, 1992. 192 p.

Angelika Molnar

“THE BIRDS OF GOD” AND IT’S OPPOSITES IN DOSTOEVSKY’S “THE BROTHERS KARAMAZOV”

The article deals with zoological metaphors in the text of the novel “The Brothers Karamazov”, which relate to the issues of freedom, the slave state, the act of writing and creative self-education of the individual. The analysis of the tropes is carried out in the context of motional parallels and plot episodes representing variants of the gospel parable about the sower and the life story of Brother Zosima: probably, the name Markel contains an anagram of the surname Karamazov. The article analyzes how the presentation of plot episodes in Dostoevsky’s work is based on the metaphorization of the names of birds and the procedure for feeding them, associated with the increase or decrease of feelings of love and brotherhood in the characters, as well as in the dynamics of the plot development. The analysis of this thematic cross-section in the novel

“The Brothers Karamazov” leads to the conclusion that the zoological aspect is closely connected with the theme of Dostoevsky’s heroes gaining freedom on the ways of losing or gaining personal self-consciousness and asserting their ontological status.

Key words: F.M. Dostoevsky, “The Brothers Karamazov”, zoological metaphors, plot, character, the question of freedom, brotherhood.

References

- Barsht K.A. “Brat’ja Karamazovy” F.M. Dostoevskogo: neevklidova geometrija i vopros o preodolenija zla. *Voprosy filosofii*. 2018, no. 5. P. 134–144. (In Russ.)
- Kasatkina T.A. (red.) *Roman F.M. Dostoevskogo “Brat’ja Karamazovy”*: *sovremennoe sostojanie izuchenija*. IMLI RAN. Moscow, 2007. 835 p. (In Russ.)
- Kovács Á. *Personal’noe povestvovanie. Pushkin, Gogol’, Dostoevskij*. Frankfurt a. M., 1994. 231 p. (In Russ.)
- Horváth Géza S. Osnovnoj mif v romane F.M. Dostoevskogo “Brat’ja Karamazovy”. In: *Slavica Tergestina*. Trieste, 1995. P. 143–166. (In Russ.)
- Króó Kn. *Dosztójevszkij: A Karamazov testvérek (Alak, cselekmény, narráció, szövegköziség)*. Budapest, 1991. 175 o. (In Hung.)
- Miller R. F. *The Brothers Karamazov: Worlds of the Novel*. New York, 1992. 192 p.
- Stepanjan K.A. *Putevoditel’ po romanu F.M. Dostoevskogo “Brat’ja Karamazovy”*. Moscow, 2018. 176 p. (In Russ.)
- Vetlovskaja V.E. *Roman F.M. Dostoevskogo “Brat’ja Karamazovy”*. Saint Petersburg, 2007. 640 p. (In Russ.)